

INSPIRIA

18+

Тладенше Брэдди Рида

МОРГАН ЭЛИЗАБЕТ

INSPIRIA

Сурсаке. Сезоны мести. Морган Элизабет

Морган Элизабет
Падение Брэдли Рида

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Элизабет М.

Падение Брэдли Рида / М. Элизабет — «Эксмо»,
2023 — (Circake. Сезоны мести. Морган Элизабет)

ISBN 978-5-04-232386-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Третья книга в серии «Сезоны мести и любви». Оливию Андерсон бросили у алтаря, и все, что ей остается — это месть. Андре Валенти — агент ФБР, которому нужно посадить бывшего Оливии. Поэтому он следит за каждым действием избалованной наследницы. Андре оставался в тени, пока месть Оливии не стала угрозой для ее статуса главного свидетеля. Теперь он обязан держать Оливию подальше от неприятностей, но чем дольше Андре рядом, тем труднее сохранять дистанцию. Ее безрассудные планы угрожают его делу, а ее желание отомстить способно разрушить все. И когда ненависть сталкивается со страстью, Оливия понимает: впереди ее ждет самое опасное испытание. Идеально для поклонников фильма «Сдохни, Джон Такер!». Морган Элизабет — автор бестселлеров, в которых переплетаются сюжеты мести, ностальгия и моменты, берущие за душу. Морган создает истории, вынуждающие читателя падать в обморок и возвращаться к ним снова и снова. Она гордая девушка из Джерси, которая живет со своим мужем, двумя сыновьями и дочерью. Если Морган не занята написанием нового романа, то, скорее всего, она поглощена любимым эспрессо со льдом, чипсами-барбекю или прослушиванием аудиокниг о любовных приключениях.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-232386-7

© Элизабет М., 2023

© Эксмо, 2023

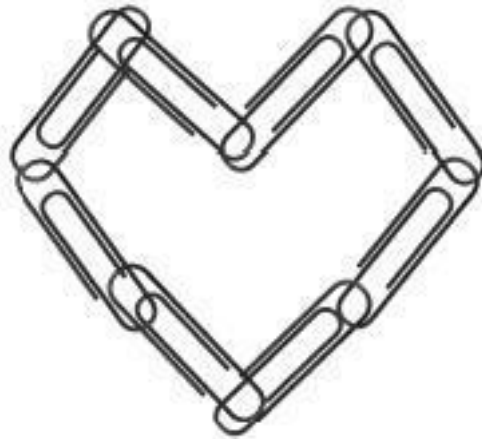
Содержание

Плейлист	7
Послание от Морган	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Морган Элизабет

Падение Брэдли Рида

Посвящается моим патологическим пилл-плизерам: Как там дела с вашим кинком на похвалу?

Серия «Cupcake. Сезоны мести. Морган Элизабет»

Morgan Elizabeth

The Fall of Bradley Reed (Season of Revenge Series Book 3)

Copyright © 2023 by Morgan Elizabeth All rights reserved This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Анастасии Гостюниной*

Иллюстрация на обложке *Таисии Шарабьевой*

© Гостюнина А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Плейлист

Brutal – Olivia Rodrigo
You're Losing Me – Taylor Swift
Kill Bill – SZA
Hello Cruel World – Paramore
I Bet You Think About Me – Taylor Swift
Everything to Everyone – Renee Rapp
Tell That Mick That He Just Made My List of Things To Do
Today – Fall Out Boy
The Lucky One (Taylor's Version) – Taylor Swift
She's a Lady – Forever the Sickest Kids
Coffee – Ed Sheeran
Fool's Gold – 1D
Growing Sideways – Noah Kahan
Paparazzi – Lady Gaga
Untouchable (Taylor's Version) – Taylor Swift
Lose You to Love Me – Selena Gomez
Closure – Taylor Swift
Mine (Taylor's Version) – Taylor Swift

Послание от Морган

Дорогой читатель,

Спасибо, что выбрал мою историю. Если ты такой же книжный фанат, как и я, и в твоём отложенном списке триллион книг, то твоё решение прочитать именно мою для меня бесценно.

«Падение Брэдли Рида» рассказывает историю Оливии Андерсон и Андре Валенти и является одиночной книгой в серии. Не обязательно предварительно читать все предыдущие книги «Сезона мести», но вы можете встретить знакомые имена на страницах других книг.

Эта история (как практически все мои книги, честно говоря) родилась из сумасшедшей идеи: что, если бы агент ФБР следил за моими хаотичными поисками в интернете и каким-то образом влюбился в меня через них? Я получила огромное удовольствие от написания этой истории.

В книге содержится контент, который для кого-то может стать триггером, включая упоминания об измене, тревожное расстройство (без МХЧ), буллинг, алкоголизм, вербальный абьюз, нарциссический партнер/родители и фэтфобия. Как и всегда в моих историях, вы встретите использование ненормативной лексики и много эротики. Книга предназначена для читателей старше 18 лет.

Пожалуйста, всегда ставьте себя и своё психическое здоровье на первое место при прочтении. Эта книга должна быть счастливым местом.

Люблю вас до Луны и Сатурна,

– Морган Элизабет

Глава 1

Возможно ли манифестировать расставание?##

Суббота, 19 августа

Что-то не так.

Я не знаю, что именно, но я чувствую это в своих костях.

Своим *нутром*.

У некоторых людей нет такого чувства, способности понимать, когда что-то просто идет не так, даже если у тебя нет весомых доказательств, подтверждающих это. Я убеждена, что как раз эти люди и не являются пипл-плизерами.

У тех, кто угождает людям, глубоко в костном мозге заложена какая-то генетическая данность, которая просто *знает*, если что-то не так.

Это когда у твоего жениха дерьмовое настроение, и хотя ты его почти *не видела* весь день, ты просто *знаешь*, что он на тебя злится. Какой-то инстинкт самосохранения подсказывает тебе, что сегодня стоит приготовить его любимый стейк, надеть красивое белье и согласиться посмотреть невероятно скучный документальный фильм об Аврааме Линкольне на History Channel.

Но прямо сейчас *наихудший момент*, чтобы испытывать подобное чувство.

Я стою перед зеркалом в ярко-белом платье (я не в восторге от него, но мама сказала, что оно будет хорошо смотреться на фотографиях), в моих руках букет темно-красных роз (я хотела подсолнухи, но мама сказала, что они недостаточно классические для события), мои волосы уложены в сложную прическу (опять же лучше для фотографий, чем пляжные волны, на которые я надеялась), и в глубине души я понимаю, что что-то очень сильно не так.

– Кто-то умер? – спрашиваю я, оглядываясь через плечо в зеркало туалетного столика, где мама поправляет свою помаду.

– Что? – спрашивает с пола Сиси, моя лучшая подруга с начальной школы, разглаживая длинный шлейф моего подвенечного платья.

Я не хотела этого шлейфа. Я боялась, что споткнусь о него и сломаю себе что-нибудь, тем самым испортив медовый месяц.

«*Но ты только подумай, какой эффект произведет это платье, Оливия!*» – сказала моя мама несколько месяцев назад в свадебном магазине, полная волнения и радости, что у меня не было выбора, кроме как сказать «да» платью, в которое я не была влюблена.

И вот теперь она стоит и укоряет меня, измученным, раздраженным голосом, который я так привыкла слышать в свой адрес.

– Боже, Оливия, можно у нас будет хоть *один день* без твоих странных маленьких... замашек?

– Я просто... – Я делаю глубокий вдох, переводя взгляд обратно на зеркало. – Что-то не так, – снова настаиваю я, на этот раз тише.

– Не так? – спрашивает Сиси.

– Не так. Словно... то чувство, когда ты не можешь вспомнить, выключил ли щипцы для завивки волос или духовку, а ты уезжаешь на неделю, – это чувство сжимает меня изнутри, его невозможно игнорировать. Хотелось бы, чтобы это было так же просто, как развернуть машину и перепроверить, или позвонить соседу, у которого есть ключ.

– Это просто нервы перед свадьбой, Оливия. Такое случается со всеми невестами. Я была вся на взводе в день свадьбы с Хаксли. Ты ведь наверняка помнишь? Я набросилась на бедную Стейси из-за ее платья.

Я помню, но в основном потому, что мы с Ками уладили весь этот дебош с платьем.

Лед внутри меня слегка оттаял, когда я вспомнила этот момент и то, насколько *уморительным* он был. Но моя мама набросилась на нее не из-за нервов.

Она набросилась на нее, потому что хотела, чтобы все взгляды были прикованы к ней и только к ней во время ее праздника, и боялась, что будущая падчерица затмит ее. Так что этот пример сейчас ни к селу ни к городу.

– Я не думаю...

– Боже, она всегда была такой, – с задором говорит мама, обрывая меня. Она не жалуется кому-то конкретному, но говорит так, будто внимание всех полностью приковано к ней. – Такая драматичная, всегда ищет внимания. Мы все нервничаем, Оливия. На нас сегодня будет смотреть множество глаз. Смирись с этим.

Мои губы сжимаются в улыбке, и я киваю в зеркало, вытирая вспотевшие ладони о тяжелую юбку, зная, что никогда не выиграю этот бой.

– Ты права, – говорю я тихим голосом, и мои глаза снова начинают блуждать по объемному платью. Эта игра не стоит свеч, не стоит того чувства вины, которое мама неизбежно вынудит меня ощутить, если я надавлю на нее.

К тому же она действительно находится сейчас в состоянии сильного стресса. Планирование этой свадьбы занимало все ее мысли на протяжении последних девяти месяцев.

Даже если она использовала это как основную сюжетную линию своего собственного реалити-шоу вопреки твоему желанию, – яростно шепчет мой внутренний голос, который я привыкла игнорировать.

И конечно же мама права – очень много людей ждут нашего торжественного входа.

Четыреста тридцать семь человек, если быть точными, не считая папарацци, засевших у церкви. (Я хотела что-нибудь неконфессиональное, так как никто в нашей семье не отличается особой религиозностью, но мама убила меня в обратном. *Фотографии в соборе будут такими великолепными, Оливия!*) Все ждет, чтобы мельком взглянуть на новых мистера и миссис Брэдли Рид.

Может быть, она права.

Может, мое внутреннее чутье разбушевалось именно потому, что на меня будет смотреть *так много глаз*. В конце концов, сегодня и правда большой день.

– Я буду за рулем, – тихо говорит Сиси, поднимаясь с пола и вытирая руки о свое лавандовое платье подружки невесты.

– Что?

Она оглядывается через плечо на мою маму, приказывающую какому-то бедному работнику принести ей новый бокал шампанского, прежде чем снова посмотреть на меня в зеркало.

– Я буду за рулем. Если захочешь сбежать.

Я улыбаюсь ей.

– Ты хорошая подруга.

– Я сейчас на полном серьезе, Лив. Если хочешь сыграть сбежавшую невесту, я поведу машину для побега.

Я смеюсь, прежде чем ответить:

– Я в порядке. Но ценю твои слова. Просто... нервы, понимаешь? – Она одаривает меня натянутой улыбкой, и я знаю, что какая-то часть ее хочет, чтобы я согласилась, чтобы я умоляла ее помочь мне сбежать с этой свадьбы.

Ей *не нравится* Брэдли.

Но опять же, она не знает его так, как я.

Он... милый, когда мы с ним наедине, когда ему не нужно производить впечатление на своих братанов и инвесторов.

– Где Ками? – спрашиваю я и не пропускаю мимо ушей ехидный смешок, который моя мама издает при упоминании девушки моего отца и одновременно моей партнерши по бизнесу. Когда-то она была моим врагом, а теперь стала одной из моих самых близких подруг.

Долгая история.

– Помогает твоему отцу с галстуком, – говорит Сиси. – А потом они оба придут сюда.

– Я до сих пор не понимаю, почему *она* одна из подружек невесты, Оливия, – говорит моя мама, забирая бокал у официанта, который почти сразу же отворачивается и убегает, словно боится, что если он слишком долго пробудет в стратосфере моей матери, то ощутит всю силу ее гнева.

– Потому что она одна из моих самых близких подруг и *член семьи*.

– Она организатор свадеб, Оливия. Это... неслыханно – *дружить* с обслуживанием. – Я вздыхаю, но, к счастью, мой телефон громко пищит, так что мне не приходится отвечать.

– Можешь подать мне, Сиси? – Я киваю подбородком на мобильник. – Это может быть Кэм или мой отец. – Будучи идеальной главной подружкой невесты, она кивает, подходит к маленькому столику, на котором я оставила свой телефон, и протягивает его мне.

Имя на экране заставляет меня нахмурить брови.

– Что такое?

– Это от Брэдли, – говорю я низким голосом.

Проходит целая вечность, пока я набираю пароль, мир кружится вокруг меня, и то самое внутреннее предчувствие, сжимающее мой желудок, тянет свои щупальца наружу, разливаясь по моему телу до тех пор, пока не достигает кончиков пальцев на руках и ногах. Я оцепенело нажимаю последнюю цифру, и словно какое-то шестое чувство уже знает, что там написано.

– Скорее всего, он пишет тебе последнее эсэмэс перед тем, как вы официально станете мужем и женой, – говорит Сиси с позитивом в голосе.

Я ценю ее слова, но каким-то образом я уже знаю.

Мое предчувствие подтверждается, когда я наконец вижу улыбающееся лицо Брэдли и его имя в самом верху экрана и читаю последнее сообщение, которое я ему отправила сегодня: *Доброе утро! Не могу дождаться, когда выйду за тебя замуж!*

И его только что пришедший ответ:

Прости. Я не могу.

И мир рушится вокруг меня.

Глава 2

Что делать с неиспользованным свадебным платьем? ##

Суббота, 19 августа

Гора салфеток размером с маленького ребенка.

Может быть, трехлетки.

Или даже пятилетки?

Не знаю.

Но она действительно очень большая.

Я смотрю на нее, ощущая пульсацию в глазах, в носу, в голове, в душе, и не могу отделаться от мысли, что мне следует прибраться. В конце концов, это номер в отеле, а не моя собственная квартира. На кровати и в маленькой кухоньке разбросаны использованные салфетки. Кто-то уже успел зачехлить мое подвенечное платье, которое так понравилось моей маме и было идеально подогнано под каждый изгиб моего тела так, чтобы его можно было хорошо продать для таблоидов.

Мы, конечно же, собирались пожертвовать все вырученные деньги. Это выглядело бы слишком пошло – продавать свадебные фотографии своей дочери, не имея на то веской причины. Я согласилась, но только с обещанием, что деньги пойдут в благотворительный фонд матери Ками – «Двигаться дальше».

Чувство вины окутывает меня, и я мысленно делаю пометку попросить дедушку сделать пожертвование в фонд от моего имени. Я смогу вернуть ему долг через четыре года, когда получу доступ к моему трастовому счету.

Благотворительный фонд не должен страдать лишь потому, что у меня не получилось заставить своего жениха связать себя узами брака со мной. Фонд не виноват в том, что свадьба не состоится, что не будет гламурных таблоидных снимков и пожертвований с их продажи.

Вместо этого папарацци получают еще более сочную историю, причем совершенно бесплатно.

Мой жених – *бывший* жених, напоминаю я себе, – расторг нашу помолвку за несколько минут до нашей свадебной церемонии, и теперь все разрушено.

Абсолютно все.

А вокруг меня гора *мусора*.

Так много гребаного мусора.

Кто бы мог подумать, что на обычную свадьбу потребуется столько *барахла*?

Салфетки.

Платье.

Цветы.

Торт, еда.

Три года моей жизни.

И все это *в помойку*.

Слова тяготят мою душу, сама мысль наполняет меня тяжелой паникой, от которой я не знаю, как спастись.

Очистить.

Разумеется, самый очевидный ответ.

Мне нужно *очиститься*, соскрести этот день с моей кожи, пока не появится свежий слой, которого Брэдли никогда не касался, новая версия меня, которая сможет устойчиво стоять

с высоко поднятой головой под весом всего этого разочарования, но до тех пор мне нужно вычистить эту *комнату*.

Она душит меня. Мне нужно, чтобы это исчезло.

Мои ноги шатаются, словно я пила весь день, но, несмотря на двадцать бутылок «Дом Периньон», которые Ками прислала в номер для новобрачных (*насладиться тостом с дорогим шампанским в руках мы уже не сможем*), во мне не было ни грамма алкоголя, не считая мимозы за завтраком.

– Что ты делаешь? – спрашивает Ками, ее голос похож на голос матери малыша, который идет к лестнице.

– Мне нужно прибраться, – говорю я, мой голос хриплый, как будто им не пользовались несколько дней.

– Лив, нет.

– Ками, тут...

– Лив, *нет*.

– *Ками, мне нужно это сделать*, — говорю я, и паника наполняет мои легкие. Сиси подходит ко мне и хватает меня за руку.

– Пойдем. Давай присядем. Мы можем...

– Не хочу. Я хочу прибраться. Мне нужно что-то делать, я не могу просто сидеть здесь. Мне нужно... – Паника накатывает на меня волнами, затягивая своим подводным течением.

– Тебе нужно присесть, потому что ты меня пугаешь.

Я изображаю на своем лице хорошо отработанную фальшивую улыбку.

– Я в порядке. Клянусь. Мне просто нужно быть продуктивной.

– Единственный беспорядок в этой комнате – это салфетки, Лив. Убрать их можно всего за минуту, – говорит Ками, ее глаза расширены. Я уверена, что мои собственные глаза сейчас выглядят бешено, не в силах скрыть мои истинные чувства, судя по тому, как она смотрит на меня, – будто я дикий зверь, которого поместили в тесный вольер.

Вы когда-нибудь видели видео с животными из зоопарков, которых держат в ужасных вольерах, – как они мечутся, дергаются и чувствуют себя совершенно не в своей тарелке?

Вот так и я себя сейчас ощущаю.

И боль в груди, когда я смотрю на них, всепоглощающее желание прыгнуть в вольер и выпустить их на свободу, – это, наверное, то, что сейчас чувствует Ками.

Дерьмо.

Я не должна заставлять ее чувствовать себя так. Это неправильно. Она не виновата в том, что меня бросили у алтаря. Несправедливо переключать эту боль на других людей, – на тех, кого я люблю.

Я устроила тут сцену, и мне нужно остановиться.

Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, пытаюсь придумать решение.

Чем-то заняться.

Я не могу просто сидеть здесь.

– Что насчет площадки для церемонии? Она нуждается в уборке. Мы никогда не получим назад залог, если не уберем все до полуночи. Мы должны... – И снова Ками прерывает меня, хватая за руки и ведя обратно к кровати, пока я не опускаюсь на ее край.

– Твой папа все уладит, милая. Он проследит за тем, чтобы все было сделано. С ним Дэмиен и еще несколько человек. У нас все под контролем. – Еще большее чувство вины пронзает меня, заставляя злиться и испытывать боль при мысли о том, что моему отцу придется делать *еще что-то*.

Ему и так уже пришлось выйти к гостям и сообщить всем, кто сидел и ждал выхода невесты к алтарю под «*Канон Пахельбеля*» (я хотела *Lover* Тейлор Свифт, но мама настояла, чтобы мы выбрали *классику*), что свадьба отменяется. Ему и так уже пришлось отвечать на много-

численные вопросы и разбираться с разгневанными гостями. После этого он помог прибраться в соборе, убедившись, что мне не придется смотреть на все это или иметь с этим дело, находясь в моем текущем состоянии.

И теперь ему нужно *еще что-то* делать.

– Я должна помочь. Это нечестно, – говорю я срывающимся голосом, с тремором в горле, который почти невозможно игнорировать. Рука Ками крепко сжимает мою в молчаливой попытке удержать меня на месте, не дать мне встать и побежать к нему.

– Детка, позволь ему заняться всем этим.

– Ками... – Но она слишком хорошо меня знает и знает, куда ударить так, чтобы мне было больно, или, по крайней мере, что сказать, чтобы я сделала так, как ей хочется.

– Он не знает, что ему делать с самим собой. Ты же знаешь своего отца – он любит все чинить. Его девочке больно, он хочет все исправить, а у него *нет возможности* исправить это, Лив. Так что позволь ему сделать это. Если не ради тебя, то ради него. Если он не займет свои руки делом, то есть очень большая вероятность того, что он попытается выследить этого придурка и дать ему отведать собственную пилюлю.

Пульсация превращается в мучительную боль, и наконец всхлип, который я так долго сдерживала, вырывается на свободу. Ками обнимает меня, и я плачу в ее плечо.

– Боже мой, Оливия. Не могу поверить, насколько *эгоистично* ты себя ведешь. – Все тело Ками застывает от слов моей матери. Я крепче прижимаюсь к ней, но не ради своей выгоды.

Потому что Ками обладает острым чувством справедливости, и я не хочу, чтобы этот день закончился в тюрьме.

Опять.

– Прошу прощения? – говорит Ками, даже не повернувшись, чтобы взглянуть на мою мать.

– *Ками*, – говорю я тихо, еле дыша.

Оно того не стоит.

Оно того не стоит.

Я являюсь дочерью своей матери вот уже на протяжении двадцати шести долгих лет, и это лишь *часть* этого опыта. Она желает как лучше, но ее воспитали так, что она думает, будто мир вращается вокруг нее одной. Это не *ее* вина.

– Ты с ней нянчишься. Она устроила тут истерику, но что насчет остальных? А как же гости...

Ками пытается, она действительно пытается защитить меня с изяществом и достоинством, вразумить неразумного.

– Одна из первых вещей, что вылетела из ее уст, когда я вошла в эту комнату, было то, как ей жаль гостей, Мелани. Это...

Моя мать прерывает ее, будто даже не слышит эту реплику.

– А что насчет *меня*?

И вот оно.

Я наблюдаю в реальном времени, как внутри Ками взрывается атомная бомба.

Забавно, ведь именно она была единственным человеком, который смог выдержать мою мать достаточно для того, чтобы спланировать масштабную свадьбу Мелани Сент-Джордж. Многочисленные свадебные организаторы до нее увольнялись уже через короткое время из-за ее нереальных требований и эгоцентричной перспективы, но Ками смогла выстоять и дать ей все, что она хотела.

– *Что* насчет тебя, Мелани? – вопрошает она. Я пытаюсь прижаться к ней покрепче, но она мягко отстраняется – и я понимаю, что эта мягкость дается ей с усилием: это выдают движения ее челюсти.

– Кам...

– Именно. Ты хоть понимаешь, насколько это *позорно*? Мою дочь бросил у алтаря сам Рид. Мы были так близки, а она не смогла связать его узами брака. – Ее глаза начинают слезиться, хотя по опыту я знаю, что настоящая слеза никогда не скатится по ее щеке; это предел эмоций, которые она показывает.

Эмоции прокладывают морщины на лице, а слезы портят макияж. Но легкая влага на глазах... этого достаточно, чтобы выглядеть уязвимой и заслужить сострадание других.

– И теперь я стану всеобщим *посмешищем*. Я даже не могу в это поверить. Я не смогу зайти в Saks¹ без того, чтобы люди не *пялились* на меня, будто я какая-то *неудачница*. Какой-то *фрик*, которого они должны пожалеть. Я стану *изгоем*!

– Я не... Я не могу...

Ками довольно редко теряет дар речи, но, похоже, моей матери удался и этот подвиг.

– Я же говорила тебе, Оливия. Я *говорила тебе* перестать пилить его, позволить ему быть собой. Такие мужчины, как он, этого не любят.

– Я знаю, мам. Прости, – говорю я, не поднимая глаз.

Она действительно любила это говорить и делала это не раз.

Например, когда я позвонила ему из пекарни, где мы заказывали семейрусный свадебный торт, а он сказал, что у него есть *дела поважнее*, и чтобы я просто *выбрала этот чертов торт*.

По словам моей матери, было дико неуместно, что я вообще *попросила* его пойти со мной.

Или в другой раз, когда у нас была запланирована фотосессия по случаю помолвки, а он опоздал на три часа, и по какой-то причине мама решила, что это тоже была *моя вина*. Что это я должна была внести фотосессию в его календарь, напомнить ему, сообщить его ассистенту и выбрать для него наряд.

А еще было время...

– Ты шутишь, да?

Тон моего делового партнера холодный, жестокий и размеренный.

Это Ками, готовая *взорваться* на хрен.

– Что? – переспрашивает моя мать, вытирая уголки глаз носовым платком, вышитым на заказ.

– Я сказала, *ты ведь шутишь, да?* – Ками вычленяет каждое слово, как будто говорит с ребенком.

– Я не понимаю.

– Просто, наверное, это шутка, если ты говоришь своей дочери всего через час после того, как жених бросил ее у алтаря, что это *она виновата* или что это *ты* заслуживаешь жалости.

Тягостная тишина повисает в комнате. Я не могу дышать, как в один из тех дней, когда влажность настолько высока, что просто невыносимо находиться на улице, потому что кажется, будто ты вдыхаешь воду.

– Камила, я знаю, что ты не понимаешь, как все это работает, – она размахивает руками, указывая на роскошь гостиничного номера, – учитывая твоё воспитание и все остальное, но когда ты пытаешься удержать такого мужчину, как Брэдли Рид, ты должна его обслуживать. И очевидно, что Оливия этого не сделала.

Ками выжидает паузу, прежде чем ответить. Я открываю рот, чтобы попытаться остановить ее, но это бесполезно.

Эта бомба ждала несколько месяцев, чтобы взорваться. Если не несколько лет.

Это должно было рано или поздно случиться. С таким же успехом можно покончить со всеми дерьмовыми переживаниями одновременно.

– Оливия – твоя *дочь*, Мелани.

– Я в курсе, Камила, – теперь уже моя мать говорит так, будто *Ками* – это ребенок.

¹ Сеть элитных американских торговых универмагов. (Здесь и далее прим. пер.)

– Она твоя дочь, которая всю свою жизнь *только и делала*, что обслуживала других – тебя, этих гребаных злобных близнецов, твою семью, Брэдли, мать его, Рида – независимо от того, заслуживал ли кто-то из вас ее доброты.

– Что ты пытаешься сказать? Я не заслуживаю доброты Оливии?

– Господи, знаешь что? Да. Именно это и говорю. Ты не заслуживаешь той доброты, внимания и щедрости, которую постоянно дарит *тебе* Оливия. Ты не заслуживаешь этого, потому что не можешь даже *увидеть этого*, а тем более оценить. Ты просто *ожидаеть* этого как должное.

– Я знаю, что у тебя нет своих детей, но если бы они у тебя были, ты бы поняла, что так и надо вести себя родителю.

– Нет. Это не так. Не так должен вести себя родитель, ожидая от своего ребенка продвижения своей собственной социальной карьеры, ожидая, что тот будет бесконечно угождать ему. Это жесть, Мелани. Это манипуляция. А Оливия просто хорошая – настолько хорошая, что *всю* свою жизнь жертвовала своими собственными желаниями и потребностями, лишь бы ты была счастлива, потому что так ей самой легче жить, чем когда ты устраиваешь ей ад, если она не делает того, чего ты хочешь от нее. И она, скорее всего, смирилась бы с этим дерьмом, позволила бы тебе лить слезы и ныть о том, как *тебе* тяжело, что *ее бросили в день свадьбы*, но я не буду.

– Я не уверена, какое вообще отношение это имеет к... – но Ками не дает ей закончить фразу.

– Потому что лично мне надоело смотреть, как она прогибается под всех, под *кого угодно*, но особенно под тебя. Ты эгоистична, груба и, честно говоря, возможно, *завидуешь* своей дочери, но это тебе нужно обсудить со своим психотерапевтом. С меня *хватит*, что ты грубишь ей в моем присутствии. Ты можешь сейчас извиниться перед ней, и мы все можем почувствовать *ей*, но если ты хочешь сидеть здесь и превращать это в день жалости к тебе самой, то тебе стоит уйти. – Рот моей матери открылся, и, кажется, впервые в жизни она испытала неподдельный шок.

– Что ж, я никогда не...

– Да ни хрена подобного. Может быть, если бы с тобой так разговаривали, ты бы не стала такой дрянью, но, к сожалению для всех, кому приходится иметь с тобой дело, тебе никогда не говорили «нет». И знаешь что, когда я увижу тебя в следующий раз, я продолжу играть в эту игру. Я буду тебе улыбаться, потому что этого хочет Лив, но знай: я вижу тебя насквозь, и я проведу *остаток своих дней*, пытаюсь исправить *вред*, который ты причинила своей дочери, вред, которому ее отец изо всех сил пытался противостоять, но и он не всемогущ, ибо каждый раз, когда ты снова вторгалась в ее жизнь, ты не оставляла ничего, кроме разрушения.

Мое сердце сейчас бьется так же сильно, как в тот момент, когда я открыла сообщение от Брэдли.

И так же, как и тогда, мой желудок болит от легкого чувства облегчения, проносающегося через меня, за которым быстро следует здоровая доза вины.

Облегчение от того, что мне не нужно выходить замуж за Брэдли.

Облегчение от того, что я никогда бы не высказала ничего из этого своей матери, независимо от того, насколько это было правдой, но Ками сделала это. И она сделала это ради меня.

Мое сердце все так же бьется, а желудок все так же бурчит, когда я перевожу взгляд между мамой и Ками, пытаюсь просчитать на пять шагов вперед, как та отреагирует.

Может быть, у нее наступит момент просветления.

Может быть, именно это ей и было нужно, этот момент, чтобы вбить в нее здравый смысл, и мы всегда будем вспоминать этот неудавшийся брак как горько-сладкое время в нашей жизни, когда наши отношения изменились к лучшему.

Потеряй одни отношения, но обрети другие.

Но к своему возрасту я уже должна понимать, что не стоит ожидать слишком многого от Мелани Кинкейд, ныне Сент-Джордж.

Она поворачивается ко мне, ее челюсть напряжена, глаза слезятся так же лживо, как и раньше.

Она не расстроена тем, что сказала Ками. Она расстроена тем, что у Ками *хватило наглости* сказать это.

– Позвони мне, когда *ее* не будет рядом.

То, что скрывается за этой фразой: «*Я буду ждать извинений*».

Она доходит до места, где на кровати лежит ее маленький клатч, хватается за него и выходит из номера.

В комнате остаемся только Ками, Сиси и я, и все мы дружно смотрим на дверь.

Что за хрень сегодня витает в воздухе?

Глава 3

Где купить пасхальные шоколадные яйца Reese вне сезона? ##

Суббота, 19 августа

После того как мама уходит, мы остаемся сидеть в ошеломленном молчании.

Ну, точнее, Ками.

Я же снова принимаюсь наводить порядок, чтобы хоть чем-то занять свои руки и мысли.

– Тебе не стоило этого делать, Кам, – говорю я, хватаясь за груды салфеток и перекладывая их в мусорное ведро. – Я знаю, что это было сделано из лучших побуждений, но в этом не было необходимости.

Я понимаю, как кто-то может обидеться или расстроиться из-за моей мамы, если он не рос с ней в одном доме. Она резкая и нахальная, и не в веселом ключе, как в случае с Ками, но она действует без злого умысла.

По крайней мере, я заставляю себя в это верить.

– Я благодарна тебе за этот поступок, правда. Но она просто перегружена. И она права – она так раздула это событие для своего круга друзей, а ты знаешь, какими могут быть эти женщины. Она будет объектом стервозных сплетен, пока не случится какой-нибудь следующий скандал, и в этом моя вина.

Мы успели поработать с достаточным количеством дам ее круга, чтобы Ками понимала, о чем я.

– Ее воспитали так, чтобы она не думала о других людях, а лишь о том, какое влияние будет оказано на нее саму. Наверное, в этом можно винить моего дедушку...

– Лив, – наконец говорит Ками, прерывая мой бессвязный словесный поток, подходит к тому месту, где я убираюсь, и берет мои ладони в свои, останавливая меня, – нет. – Ее теплые глаза встречаются с моими, словно вводя меня в транс, и внезапно мне становится ясно, насколько она сейчас серьезна.

Как сильно ей нужно, чтобы я поняла то, что она собирается мне сейчас сказать, даже если она знает, что мне это не понравится.

– Мне нужно, чтобы ты знала: ни в чем, ни в чем из этого ты не виновата. *Ни в чем.* Не слушай ее. Ты *не заслужила этого.* И ты не виновата ни в эмоциях своей матери, ни в том, как к ней будут относиться ее так называемые друзья. – Я вздыхаю и прикусываю губу, но не смею прервать зрительный контакт с ней.

– Я действительно на него жаловалась. Очень много. – Ками закатывает глаза, и до меня доносится тихий смешок Сиси.

– Жаловалась за что? За те вещи, в которых он должен был помогать тебе *как твой партнер?*

– У него очень напряженная работа. – И он никогда не уставал напоминать мне об этом.

– *И у тебя тоже, Оливия.* – Я лишь пожимаю плечами.

Связи с общественностью и планирование вечеринок для богачей – это не то же самое, что управлять финансами клиентов-миллионеров, у которых всегда невозможные ожидания.

– Он зарабатывает больше денег.

– Господи, да какая *разница?* Но раз мы пошли по этому пути, то *ты стоишь больше денег, чем он.* – Она поднимает руки в обороне, прекрасно зная мои доводы. – Не то чтобы это имело значение. Но если мы так смотрим на вещи, разве он не должен был беспокоиться о тебе? О том, что тебе нужно или хочется? Если все это в конечном итоге сводится к твоей

ценности, что... Оливия, посмотри на меня, – я в этот момент сосредоточила свое внимание на идеальном французском маникюре, который сделала накануне, – что *совершенно не так*. Но если ты собираешься использовать это в качестве оправдания, то заслуживаешь взглянуть на полную картину.

Копание в этом вопросе вызовет слишком много потрясений в моей и без того уже расшатанной психике, поэтому вместо этого я снова разрываю зрительный контакт и опускаю взгляд на свои руки, на свои идеально подпиленные ногти и на маленький порез на указательном пальце.

Я заработала его, делая подарки для друзей жениха.

«Мы можем заказать их», – сказала я о замысловатых фляжках с выгравированными инициалами. «Смотри, на этом сайте предлагают сделать их и отправить нам уже через несколько дней». Я поднесла к нему свой телефон, чтобы показать магазин подарков, на котором нашла фляжки по его просьбе.

«Но это не будет значить так много, если они не ручной работы».

Я вздохнула, забирая телефон, переключая вкладки и показывая ему новую.

«Вот другой сайт, эти стоят немного дороже, но они ручной работы».

«Оливия, я очень хочу, чтобы они были сделаны нашими руками. Ты можешь, пожалуйста, выполнить эту просьбу ради меня». Я прикусила губу, думая о всей той работе, которую мне нужно проделать до нашего медового месяца, о маленьких штрихах, которые мне еще нужно закончить для нашей свадьбы, прежде чем вздохнуть и открыть свой календарь.

«Я могу заказать материалы и доставить их сюда... В четверг. В пятницу мы можем посвятить этому весь вечер. Я приеду к тебе, мы закажем пиццу и займемся подарками вместе».

Как бы я ни была измотана, я жаждала этого: насладиться обществом моего жениха, побыть наедине и с пользой провести время, поработать над чем-то вместе. До знаменательного дня оставалось всего две недели, и это был отличный вариант подпитать наши отношения.

Думаю, мне нужно было какое-то доказательство того, что я не совершаю огромной ошибки. Мне нужна была уверенность в том, что эти отношения продлятся долгие годы, что мы созданы друг для друга, как я убеждала себя.

Но так ли это было на самом деле?

«В пятницу у меня встреча с Кейси. У меня действительно нет на это времени, Оливия. Неужели ты не можешь просто сделать все сама?» Он даже не взглянул на меня, прокручивая ленту соцсетей в телефоне и облокотившись на кухонную стойку, и я помню, как впервые задалась вопросом, что я здесь вообще делаю.

Думаю, я уже несколько раз задавалась этим вопросом втихую, но впервые я спросила себя прямо.

Зачем мы это все делаем?

«Брэдли, я...» Наконец он поднял глаза и улыбнулся той мальчишеской улыбкой, которую я раньше считала чертовски очаровательной, очень милой. Я думала, что она отражает ту часть его личности, которую он делил со мной и только со мной.

Это была полная чушь, как я теперь понимаю. Хорошо отработанный взгляд, который он использовал, чтобы добиться своего.

Он сделал шаг вперед, взял меня за подбородок и прижался к моим губам мягким поцелуем.

«Ну же, Лив. Ты же знаешь, что я не силен в этих делах, а у тебя это так здорово получается».

«Я просто...»

«Вот почему я люблю тебя», – сказал он низким голосом, и я растаяла.

Я улыбнулась.

И он отошел, глаза вернулись к телефону, пока он рассеянно потянулся за ключами.

«Ладно, мне пора идти. Ты ведь со всем этим разберешься, верно?» Он посмотрел на меня, но я ничего не ответила. «Не забудь запереть дверь перед уходом». Перед уходом, потому что я там не жила.

Мы были вместе почти три года и не жили вместе.

Странно, правда?

Никто из нас не был религиозен; так что не было никакого беспокойства по поводу «жизни во грехе».

Я помню, как я смотрела, как он подошел к входной двери, в то время как я по-прежнему молча держала в руках свой телефон с туториалом по гравировке, который я собиралась ему показать. «Увидимся позже, Оливия», – сказал он, и за ним захлопнулась дверь.

Это было всего лишь две недели назад.

В субботу, после того как я провела всю пятницу, гравировав его фляжки, пока он гулял с друзьями, порезав палец об упаковку, я с улыбкой вручила ему подарки женихов. Он едва поблагодарил меня.

Тогда я убедилась, что он был встревожен перед свадьбой. Переутомлен.

Но этот маленький порез... он значит для меня больше в данный момент.

Брэд не был ничем из этого. Он не был ни милым, ни очаровательным. Он не был встревоженным или перегруженным работой. Он точно не испытывал стресса из-за свадьбы, к планированию которой не приложил и пальца.

Он был просто засранцем.

Засранцем, который, несмотря на все мои надежды, вряд ли когда-нибудь вообще любил меня.

Никогда.

– Я сделала подарки для его друзей, – говорю я, понижая голос.

– Я знаю, – говорит Ками, и мне интересно, видит ли она, как во мне щелкнул переключатель.

– Я слушала Джона Мейера. Даже после того, как вскрылось, что он редкостный придиурок. – Ками сморщилась, но кивнула.

– Я знаю, милая.

– Я не стала устраивать девичник в Вегасе, потому что он сказал, что ему от этого не по себе, а потом он сам пошел в стрип-клуб со своими приятелями, а я осталась дома и готовила его подарки.

– Я бы хотела напомнить, что я была против того, что ты выбрала воскресный бранч в качестве девичника лишь из-за него, но я сказала, что буду любить тебя, несмотря на твои ужасные решения, – говорит Сиси со своего места.

Так все и было.

Она так и сказала, а я посмеялась над этим, потому что она просто не понимала.

Я думала, что именно так и поступают, когда любят.

Почему мой мозг никогда не думал, что если ты влюблен, то не должен отказываться от чего-то или жертвовать собой ради этого?

Все должно быть просто.

– Я отказалась от арахисового масла ради него! – говорю я, и в моих словах начинает проступать паника.

– Почему мне кажется, что из всего, что ты только что назвала, именно это тебя больше всего расстраивает?

– Потому что это ужасно! Годы без шоколадных елок с арахисовым маслом на Рождество? Или пасхальных яиц? Или тыкв на Хеллоуин? Ты знаешь, как это угнетает? – Я остави-

лась на стену, ту самую, расположенную напротив кровати в гостиничном номере, с уродливым абстрактным искусством, которое было бы первым, что я бы увидела на следующее утро после того, как, наконец, стала бы миссис Брэдли Рид. Конечно же, после того, как я бы посмотрела на улыбающееся лицо своего нового мужа.

– Я делала для него *все*, – я произношу эти слова негромко и с болью, но так и не заканчиваю фразу вслух.

Я делала для него все, но этого оказалось недостаточно.

Я жертвовала огромными кусками себя – своим временем, своими амбициями, своей... личностью даже, – и этого оказалось недостаточно, чтобы он полюбил меня.

Что это говорит обо мне?

Меня, человека, который так сильно хочет, чтобы его принимали, хочет, чтобы он нравился другим и чтобы те считали его *ценным*, оказалось недостаточно, когда я отдала кому-то всю себя.

Что это *значит*?

В этот момент моя лучшая подруга врывается в мою начинающуюся истерику.

– Ты делаешь все для всех, Лив. В этом твоя проблема – ты ставишь всех остальных на первое место в ущерб себе, – говорит Сиси, положив руку мне на плечо. – Может, это знак, что наконец нужно позаботиться о самой Оливии?

– А может, он просто всегда был куском дерьма, и ты сейчас уклонилась от пули, – говорит Ками со вздохом.

– Ками!

– Давай, убеди меня, что я ошибаюсь, – говорит она со скучающим выражением лица.

Но Сиси нечего сказать в его защиту.

И я начинаю понимать, что слов не найдется и у меня.

– Но если говорить серьезно, Лив... может, Сиси права, – говорит Ками, тоже придвигаясь ближе. – Может, тебе стоит принять это как знак. Я знаю тебя уже три года, и никогда, услышь меня, *никогда*, Оливия, ты не поступала эгоистично. Никогда ты не смотрела на мир и не посылала все к черту, никогда ты не ставила *себя* на первое место.

– Кам, я люблю тебя, но мы познакомились как раз потому, что я тебя терроризировала.

– И ты, блин, делала это не ради себя, – парирует она. – Ты делала это ради близняшек, чтобы тем самым удовлетворить свою мать.

Я закусываю губы, прежде чем открыть рот, чтобы возразить, потому что это не совсем правда.

– И, прежде чем ты скажешь, что делала *это*, чтобы получить свой траст, пожалуйста, вспомни, что ты сама отказалась от любого шанса получить его раньше, чтобы только спасти бизнес своего отца. – Я пожала плечами.

– Я построила бизнес вместе с тобой – многое из этого было сделано для меня самой. Моя мать предпочла бы, чтобы я стала светской львицей, ищущей мужа. Но я такой *не стала* ради нее.

– Хочешь сказать, что твое решение начать со мной бизнес ни в коем разе не было мотивировано твоим желанием заставить дедушку тобой гордиться?

Она пристально смотрит на меня, зная правду, *черт возьми*.

– Я не говорю, что «Медиа Событие» – это не дело твоей души, Лив. Я просто спрашиваю, когда в последний раз ты делала что-то исключительно для себя и ни для кого больше?

Я просто смотрю на нее в ответ.

Потом отворачиваюсь, потому что взгляд Ками может прожечь дыру прямо у тебя на подкорке, если не будешь осторожна.

Но ущерб уже нанесен.

Ее слова попали в точку, и я задумываюсь об этом, по-настоящему вникая в происходящее.

Когда в последний раз я поступала эгоистично? Когда в последний раз исчезала эта людская угодница, когда в последний раз я изгоняла ее, чтобы получить то, что хотела *исключительно* для себя?

Мое тело покрывается холодным потом, потому что... Я не помню.

Не помню.

О боже.

О боже.

Паника закрадывается в мою грудь и медленно просачивается наружу, как кровь в океан, прежде чем я трясую головой.

Ну уж нет. У меня нет на это времени. Ни за что.

Медленно я заталкиваю панику обратно в бутылку, представляя ее пагубные нити как некую телесную вещь, которую я могу взять и тщательно запихнуть поглубже, прежде чем закупорить этот сосуд. Потому что даже сейчас, когда я понимаю, насколько тотально мое угождение людям и что мне, возможно, нужно что-то реально и конкретно изменить в своей жизни, я знаю, что еще один мой срыв отзовется болью в сердцах Ками и Сиси.

Это также причинит боль моему отцу.

А они этого не заслуживают. Точно так же, как я не заслуживаю того, чтобы меня бросил Брэдли, они не заслуживают того, чтобы беспокоиться обо мне.

И все же в этот момент я даю себе обещание. Обещание, что я, по крайней мере, попытаюсь.

Попытаюсь делать что-то для себя.

Ставить себя на первое место, быть эгоисткой.

Еле заметная улыбка касается уголков моих губ с этим новым решением, и хотя ноша все еще тяжела – так чертовски тяжела, – у меня словно появляется надежда, как свет в конце тоннеля.

Разумеется, с поправкой на то, что я буду достаточно храбра, чтобы стремиться к этому свету.

Моя улыбка, должно быть, подсказала Ками, что в урагане моей печали случился перелом. Возможно, это всего лишь затишье, лишь глаз бури, немного спокойствия перед тем, как хвостовая часть ударит еще сильнее, но в этот маленький момент времени я... в порядке.

– Давай попросим твоего папу заказать нам еду, выпьем все шампанское, и ты сможешь вылить все свои слезы, – с улыбкой говорит Ками, вставая, чтобы взять свой телефон.

Я качаю головой и тянусь, чтобы схватить ее за запястье, останавливая ее.

– О нет, хватит с меня слез, – говорю я и встаю, хватая несколько завалывшихся салфеток, которые я пропустила, не выбросив их в мусор. Мои движения уже не ошеломленные и медленные, а уверенные и четкие.

У меня новая миссия.

Больше никакой хандры, никакой грусти.

Я выполняю миссию ради себя.

Возможно, чтобы наконец найти саму себя.

Потому что, кажется, только сейчас я поняла, что не знаю, кто я такая, потому что являюсь тем, кем меня все хотят видеть.

– Что? – спрашивает Ками, сбита с толку.

– Слезы – это абсолютно нормально, Лив, – говорит Сиси, явно думая, что я храбрюсь ради их блага.

Так оно и есть, но в то же время... и нет.

– Я знаю. Плакать – это полезно, но с меня хватит. – Я пожимаю плечами, как будто в этом нет ничего особенного. – Он того не стоит.

Это правда, но в то же время и ложь.

Первый акт в моем плане *по приоритизации желаний Ливи* таков: мне нужно, чтобы они *ушли* отсюда.

Мне нужно побыть одной.

Мне нужно время, чтобы подумать о том, что произошло, о том, кто я теперь и как двигаться дальше с этой новой версией себя, которую я намерена собрать из обломков.

Я не пропускаю взгляд, которым обмениваются Ками и Сиси, словно молча переговариваясь, возможно, размышляя о том, стоит ли им отправить меня в психушку.

Их вердикт все еще не вынесен, так что пока я воспользуюсь своим опытом в том, как обеспечить счастье других себе на пользу.

Возможно, это мой первый в жизни эгоистичный поступок.

– Я в порядке. Честно. Этот день был невероятно дерьмовым. Я уверена, что мне еще понадобится плечо, чтобы поплакаться, но на сегодня я все свое уже выплакала. Я просто хочу принять горячую ванну в этом шикарном отеле, заказать какую-нибудь вредную еду и лечь спать. Со всем остальным я смогу справиться завтра, – проходит несколько тактов молчания, и я молюсь, чтобы они позволили мне это. Есть вероятность, что они так беспокоятся обо мне, что согласятся на все, о чем бы я ни попросила, лишь бы я не выпрыгнула из окна.

Немного нездорово, Лив.

– Пожалуйста, девочки. Обещаю, если у меня снова случится нервный срыв, я сразу же позвоню вам. Я почти уверена, что карта Брэдли все еще привязана к этим номерам, – говорю я.

Это ложь.

В ней я им, конечно же, не признаюсь. К сожалению, именно мне пришлось забронировать эту гостиницу после целых месяцев уламывания Брэдли.

– Так что, пожалуйста, возвращайтесь в свои комнаты и закажите побольше всякой доставки в номер. Это пойдет мне на пользу, – я вру сквозь зубы, но, как оказалось, еще одним плюсом выхода из оцепенения от того, что я делаю счастливыми всех, кроме себя, является то, что я очень, очень хорошая лгунья и совершенно превосходно умею скрывать все свои эмоции.

Я жду с затаенным дыханием, поведутся ли они на этот обман, выиграю ли я себе немного времени на одиночество, чтобы поваляться и побыть несчастной без того, чтобы они нависали надо мной.

– Ливи... – неуверенно начинает Сиси, но Ками смотрит на меня и кивает.

Видит ли она мою ложь насквозь, как всегда, или купилась на нее, я не знаю, но это и неважно.

– Хорошо, Лив. Звони нам, если тебе что-то понадобится. А еще каждый час мне нужны от тебя признаки жизни в виде эсэмэс, чтобы удержать твоего отца от выламывания этой двери. По крайней мере, пока ты не заснешь.

Я расслабляюсь, осознавая, что останусь на ночь одна, что у меня будет возможность просто... побыть без их наблюдения. Примириться со своей новой реальностью без их назойливого присутствия, как бы сильно я их ни любила.

– Договорились, – говорю я со слабой улыбкой. Вся внутренняя борьба улетучилась вместе с моей смелостью.

Ками тоже это видит, качает головой и вздыхает.

Я могла бы предположить, что она видит меня насквозь, но моя нынешняя потребность в одиночестве должна быть столь же очевидной, потому что она хлопает в ладоши и кивает Сиси.

– Ладно, давай немного приберемся и утащим отсюда все исключительно свадебное, а потом оставим тебя в покое, Лив.

И уже не в первый раз я так невероятно благодарна Вселенной за то, что она решила подарить мне Камилу Томпсон все эти годы назад, когда я больше всего в ней нуждалась.

Глава 4

Как пережить расставание накануне свадьбы? ##

Суббота, 19 августа

Прошло уже несколько часов после того, как я соврала, написав Ками, что собираюсь спать, чтобы прекратить ее ежечасные проверки. Я и правда пыталась уснуть, но все закончилось очередным приступом рыданий.

Честно говоря, я даже уже не помню, чем был вызван этот последний.

Я уже успела поплакать по любому поводу с того момента, как Ками и Сиси вышли из моего номера, чтобы дать мне немного личного пространства. От небольшого шмыганья носом до душераздирающих рыданий и всего того, что находится между этими двумя крайностями, каждая слезинка приносила мне душевное облегчение.

Я плакала о своей неудавшейся свадьбе, но не о потерянных отношениях.

Я плакала о том, как невероятно глупа я была, но давала себе некоторую поблажку, осознавая, что вина в данном случае не целиком на мне.

Я плакала из-за того, что подвела всех наших гостей, но признавала, что они не имеют значения в глобальной картине.

Я плакала из-за того, что разочаровала маму, но понимала, что с ее стороны несправедливо оказывать на меня такое давление.

Я плакала из-за того, что чувствую *вину* за этот несложившийся брак, хотя я была единственной, кто прикладывал к нему усилия.

Я плакала от осознания того, что ничего в моей жизни не принадлежит *мне*.

И в какой-то момент я просто плакала, чтобы поплакать.

Иногда это самый лучший вид слез.

А еще я давно прикончила целую бутылку шампанского, которое можно было бы приберечь для счастливого события, но теперь оно навсегда запятнано отравленными воспоминаниями.

Именно алкоголь в моей крови заставил меня схватить телефон, открыть вкладку с браузером и набрать несколько поисковых запросов, каждый из которых звучал все более и более безумно.

НЕУДАВШАЯСЯ СВАДЬБА.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ТЕБЯ БРОСИЛИ У АЛТАРЯ.

КАК ЗАБЫТЬ БЫВШЕГО.

КАК ЗАБЫТЬ БЫВШЕГО, КОТОРОГО ТЫ, ВОЗМОЖНО, НИКОГДА НЕ ЛЮБИЛА.

ЛЕКАРСТВО ОТ УГОДНИЧЕСТВА ПЕРЕД ЛЮДЬМИ.

КАК ПОСТАВИТЬ СЕБЯ НА ПЕРВОЕ МЕСТО.

БРОШЕННЫЕ НЕВЕСТЫ.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ТЫ БРОШЕННАЯ НЕВЕСТА.

КАК ВОЗВРАЩАТЬ ПОДАРКИ ИЗ КАТАЛОГА.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ЛИ ВОЗВРАЩАТЬ СВАДЕБНЫЕ ПОДАРКИ?

КАК ИСЧЕЗНУТЬ И НАЧАТЬ НОВУЮ ЖИЗНЬ.

ПОДДЕРЖКА БРОШЕННЫХ НЕВЕСТ.

Именно последний запрос вывел меня на закрытую группу в «Фейсбуке»² – «Брошенные невесты Северного Нью-Джерси»: *Группа для женщин, где они могут поговорить о своем опыте несложившегося брака без давления и осуждения. Добро пожаловать!*

Может, это было воздействие алкоголя.

Может, я наконец стряхнула с плеча ангелочка, который без усталости шептал: «*Что подумает твоя мама, если узнает? Она будет унижена, раздавлена*».

Может, все дело было в том, что я ни разу в жизни не встречала человека, которого бросили у алтаря, а тут была целая группа женщин, прошедших через это.

Или, может, внезапно, в темноте номера пятизвездочного отеля, я почувствовала себя невыносимо одинокой.

Как бы то ни было, сейчас, во временном промежутке где-то между полночью и двумя часами ночи, когда я все еще не сплю, я нажимаю *запрос на вступление в группу*.

Затем я отвечаю на вопросы, необходимые для рассмотрения моей заявки:

Как давно закончились ваши отношения?

Где вы проживаете?

Заинтересованы ли вы в очной группе поддержки?

Если да, оставьте свой номер телефона.

Вскоре после этого я отключаюсь, мои глаза опухли от слез, нос мокрый и красный, но мой разум удовлетворен тем, что я не одинока.

И иногда это все, что тебе нужно, чтобы пережить день.

На следующее утро я улыбаюсь, спускаясь на завтрак.

И не потому, что счастлива. Просто возможность покинуть этот отель и вернуться в свою квартиру без сопровождения зависит от того, смогу ли я выглядеть так, будто я *в полном порядке*.

Даже если на самом деле оно не так.

У меня похмелье, я грущу и стрессую, потому что мне *не так уж и больно*, как должно было быть, на мне тонна косметики, и я просто зла.

Потихоньку мое горевание переходит в стадию гнева, и, думаю, я хочу помариноваться там достаточно долгое время.

Забота о себе и все такое.

Думаю, моя новая версия, та, что будет ставить себя на первое место, требует свободы побыть чертовски яростной.

Сиси радостно улыбается, увидев меня, и ее улыбка расширяется, когда она замечает мою. На ее лице читается облегчение, и на мгновение я начинаю переживать, что я плохая подруга, раз соврала ей о своем самочувствии, лишь бы побыть в одиночестве.

Но новая версия меня ставит себя на первое место, а я не смогу этого сделать, если мои друзья будут хлопотать надо мной.

– Доброе утро! – говорю я и думаю, не переборщила ли с радостью в голосе, ведь интонация прозвучала фальшиво даже для моих ушей. Я не позволяю признаться самой себе, что причина, по которой я говорю им, что со мной *все в полном порядке*, отчасти кроется в том, что я не хочу, чтобы мои друзья и семья беспокоились обо мне. Они тоже многое пережили за последние несколько дней, и я отказываюсь быть еще большей обузой, чем уже стала, и позволять им страдать за мой счет.

Ну нет.

Этого признавать я не собираюсь.

² Деятельность социальной сети «Фейсбук» запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

Потому что «новая» Ливи делает все для себя и только для себя.

Верно?

Верно.

Чувство вины все еще сжимает меня изнутри.

– Ты... здесь, – говорит Ками, когда я сажусь за стол рядом с ней и Сиси, и обеспокоенные глаза моего отца впиваются в меня с другой стороны стола.

– Я здесь. Этот завтрак – лучший в округе. И я не собираюсь его пропускать.

Весь стол уставился на меня, на лицах застыли растерянность и беспокойство.

За исключением Ками.

Выражение ее лица твердое, озадаченное; она пристально смотрит на меня, пытаюсь расшифровать мои слова.

Рука Сиси хватается мою.

– Лив, милая. Вчера... Брэдли... – Она делает паузу, словно его имя – яд, словно она боится, что я сломаюсь при одном только его упоминании. Я улыбаюсь, чтобы успокоить ее. Да, улыбка фальшивая, но им не обязательно об этом знать. Я кладу свою свободную руку поверх руки Сиси.

– Сис, все в порядке. Я в порядке. Брэдли отменил свадьбу, и это полный отстой, но я в порядке. Все к лучшему. – Узел в моей груди немного затягивается от этих слов, но я пытаюсь стряхнуть его. – Хорошо, что все вскрылось сейчас, а не позднее, когда пришлось бы прикладывать гораздо больше усилий, чтобы все исправить.

– Это нормально – быть грустной, Лив, – говорит она низким голосом, голосом моей лучшей подруги, человека, которого я знаю с детского сада. Той, что прошла со мной через все мои неловкие периоды жизни, плакала вместе со мной, когда парни разбивали наши сердца, и слушала без осуждения, как я ругаюсь на маму. Девушка, которая простила меня, когда я втоптала ее в грязь, когда я предпочла угодить маме и порадовать своих злобных сводных сестер, нежели выбрать свою подругу.

Именно в этот момент я позволила себе на мгновение отложить новую версию Ливи на полку и выпустить наружу старую версию, которая не хотела, чтобы мои друзья и семья страдали из-за того, что случилось со мной.

Эти люди уже достаточно от меня натерпелись. Мне не нужно, чтобы они беспокоились обо мне. Если я покажу им эту версию, эту счастливую, хорошо приспособленную версию, они не будут паниковать и смогут продолжать жить и наслаждаться своей жизнью.

Но, конечно, я не могу показаться *слишком* счастливой, иначе они подумают, что что-то не так.

Это очень тонкий баланс – пытаться убедить людей, которых ты любишь, что с тобой *все в полном порядке*. Эта задача становится еще сложнее, стоит мне совершить ошибку и оглядеть комнату вокруг.

Все взгляды устремлены на меня.

И все с разной степенью откровенности: некоторые уставились в свои телефоны и бросают на меня лишь косые взгляды, некоторые притворяются, что разговаривают с соседом по столу, но время от времени украдкой переводят взгляд на меня, а другие же прямо-таки прожигают меня глазами.

Ждут, не сломаюсь ли я.

Гости на свадьбе.

Друзья, семья, знакомые, люди, которых я даже никогда в жизни не видела, но которых знаю как дальних родственников или как маминых подруг. Интересно, сколько из них сейчас переписываются со своими друзьями с поминутным отчетом о происходящем?

Я не могу на это обижаться – скорее всего, я поступила бы так же.

Но прежде чем я успеваю продолжить свою миссию по убеждению всех в том, что со мной все в порядке, или хотя бы попытаться сохранить лицо, мой телефон разрывается от звука нового сообщения, за которым следует еще одно, и еще, и еще, вследствие чего на меня устремляется еще больше глаз. На общем фоне особенно выделяются три пары широко раскрытых и столь знакомых мне глаз, пристально меня изучающих.

– Не бери телефон, Лив, – говорит Ками, ее взгляд устремлен на мою сумку, из которой я достаю мобильник.

– Это могут быть СМИ, жаждущие информации, – соглашается Сиси.

– Это может быть Брэдли, – говорю я, роюсь в большой сумке, пытаюсь найти телефон. Часть обязанностей моего отца вчера, по поручению Ками, заключалась в том, чтобы заехать в мою квартиру и собрать мне сумку с моей одеждой, так как все, что я собственноручно упаковала с собой, было идеального свадебного белого цвета.

«Я не хочу, чтобы все вокруг постоянно напоминало тебе об этом дне, Лив, — сказала она, когда я возразила, не желая напрягать моего отца еще больше. – И он тоже не хочет. Позволь ему сделать это».

Я уступила, и сегодня утром, когда я смогла надеть светло-розовый топ и черные легинсы, должна признаться, я почувствовала облегчение. Но, к сожалению, папа привез самую большую сумку-тоут, которая у меня есть, и теперь я ни черта не могу в ней откопать.

– Еще больше причин не трогать телефон, – говорит Ками со вздохом.

Я игнорирую ее.

Ками – невероятный знаток людских характеров, и мне стоило бы *догадаться*, что именно так все и закончится, когда она впервые взглянула на моего теперь уже бывшего парня в их первую встречу в «Приморском клубе» и ее верхняя губа содрогнулась в еле заметной, крошечной усмешке.

Я, конечно же, этого не сделала, так очарованная его улыбкой, тем, как он уделял мне внимание, как он держал меня за руку под столом на вечеринке в честь Дня независимости и как заставлял чувствовать себя... особенной.

Если бы меня прямо сейчас спросили, почему я влюбилась в Брэдли Рида, я бы ответила, что это случилось именно потому, что он заставил меня почувствовать себя *особенной*.

Хотя, вообще-то, если бы меня спросили прямо сейчас, наверное, я бы попыталась справиться с комком в горле и сказала бы, что понятия не имею, прежде чем не выдержала бы и снова разрыдалась, несмотря на свои попытки держать лицо, но спроси меня через неделю или около того? Скорее всего, я скажу, что да, потому что он заставил меня почувствовать себя так, словно я была особенной.

Он заставил меня почувствовать себя *заметной*. Словно он меня *видел*.

И в жизни, где я большую часть времени вела себя как маленькая, чтобы моя мать могла блистать, притворяясь маленькой, чтобы избежать любой ответной реакции, это что-то значило для меня.

И это было то, что, как я теперь понимаю, быстро улетучилось, то, что я перестала чувствовать, как только нам обоим стало комфортно в отношениях, но я держалась за это первоначальное чувство, и именно оно позволило мне дойти до вчерашнего дня.

Ками называет меня пипл-плизером, человеком, который угождает людям, – она говорит, что именно поэтому я так здорово справляюсь с пиаром и маркетингом наших мероприятий. Я знаю, что люди хотят увидеть, что им нужно услышать, чтобы купить то, что я продаю, и я даю им именно это.

Думаю, она права.

Но это же качество сделало меня абсолютно слепой ко всем чертовым красным флагам, воплощением которых является Брэдли Рид, так что это должно уйти.

По крайней мере, в моих личных отношениях.

Все вокруг затаили дыхание, когда я бросила взгляд на заблокированный экран телефона и нахмурила брови:

– Я не знаю этот номер.

– Не обращай внимания, Лив, – серьезно говорит Сиси.

Однако вместо этого я не обращаю внимания на нее. Ну то есть, раз уж я изначально игнорировала все предупреждения подруг, то почему бы не продолжать ехать по накатанной?

Постучав по экрану, я открываю сообщения и читаю их.

Потом перечитываю второй раз.

И третий.

– Кто это? – спрашивает Ками.

– Это тот козел? – добавляет Сиси, что немного меня шокирует, так как она ни разу не сказала о нем ничего плохого, даже когда я был на пике своего вчерашнего срыва.

– Твоя мама?

– Твой отец?

– Я сижу рядом с вами, – говорит папа, но Сиси и Ками его игнорируют.

– Желтая пресса? – спрашивает Сиси.

Я продолжаю пялиться в экран, перечитывая странное и неожиданное сообщение в четвертый раз.

– Нет, – говорю я, наконец нарушая собственное молчание.

– Тогда кто? – Голос Ками звучит еще более обеспокоенно, чем обычно, и я думаю, что это, должно быть, ужасный, отвратительный признак того состояния, в котором я была вчера.

– Это... – Я прищуриваюсь на свой телефон, пытаюсь понять, реально ли то, что я вижу перед глазами. – Это группа поддержки...

– Группа поддержки?

– Что за придурок присылает тебе ссылки на гребаные группы *поддержки*?! – говорит Ками, и ярость в ее голосе заставляет меня представить картину, как она бежит к этому человеку в дом с вилами и факелом в руках в стиле «Красавицы и Чудовища». – И, более того, группа поддержки *чего*? – она смотрит на меня с уже чуть более спокойным лицом: – Ты же знаешь, что тебе это не нужно, верно? У тебя есть...

– Сбавь обороты, Кам, это не в том смысле, о чем ты подумала.

– Конечно, в том. Люди – самые ужасные существа...

– Дай ей закончить мысль, Камила, – говорит Сиси, ее голос намного спокойнее, чем у Ками. Я уверена, что последняя в этот момент яростно смотрит на мою подругу детства, но я не обращаю внимания ни на ту, ни на другую, перечитывая текст в пятый раз.

Добрый день, Оливия. Наверное, это покажется странным, и мы знаем, что на вас сейчас много свалилось, но я хотела связаться с вами. Вчера вы подали заявку на вступление в нашу группу на «Фейсбуке»³ и отметили, что вам были бы интересны очные встречи группы поддержки. Я знаю, что это, возможно, очень скоро для вас, но наша следующая встреча состоится уже через три дня, поэтому я хотела сообщить вам об этом.

Нас в группе пятеро, и мы встречаемся раз или два в месяц, чтобы просто поговорить обо всем.

Нас всех бросили у алтаря, и все мы находимся на разных стадиях своего горя. Это помогает – поговорить с кем-то, кто был на твоём

³ Деятельность социальной сети «Фейсбук» запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

месте. Мы пойдем, если это слишком рано, но я все равно хотела пригласить вас.

С уважением, Джули Чен.

Воспоминания о вчерашней ночи начинают возвращаться ко мне.

Мои пьяные запросы в «Гугл», группа в «Фейсбуке»⁴.

Брошенные невесты.

Есть группа поддержки для женщин, которые прошли через это.

Местная группа.

– От кого это сообщение? – спрашивает Ками, вероятно, заметив отсутствие у меня истерики. – От клиента?

– От папарацци? – снова спрашивает Сиси. – Они уже попытались связаться со мной, спрашивали, что я думаю насчет произошедшего как подружка невесты, но я ответила им, что у меня нет никаких комментариев.

А вот от *этих слов* у меня вырывается стон.

Я даже не *подумала* о том, что всех будут преследовать так же, как и меня.

Всех, кого я знаю, будут бомбардировать СМИ. Брак Рида и Кинкейд и так был главной новостью, но драма о том, что он развалился прямо перед тем, как я пошла к алтарю, – слишком жирная история, чтобы ее упускать.

– Насколько плохи дела? – спрашиваю я, временно отвлекаясь от сообщения на телефоне. Уверена, что по крайней мере *одна* из крупных мусорных газет уже принялась рассказывать о моих несчастьях.

Ками и Сиси переглядываются, и я мгновенно все понимаю.

Все очень плохо.

Это значит, что по крайней мере одна из крупных газет начала постить о моем знаменательном дне, независимо от того, есть ли у них проверенный материал или нет. Хотя, говоря начистоту, скорее всего, прямые источники у них как раз-таки имеются – все те люди, приглашенные по настоянию моей матери, чтобы покрасоваться, явно не принадлежат к числу тех, кто будет держать сочные сплетни при себе, особенно когда наличие этих сплетен может поднять их собственную социальную значимость.

Бл...

Будучи внучкой Джефферсона Кинкейда, магната недвижимости, и дочерью Мелани Сент-Джордж, жены Хаксли Сент-Джорджа и одной из самых новых участниц *«Домохозяйек Лос-Анджелеса»*, я была в центре внимания еще до того, как даже *познакомилась* с Брэдли Ридом.

Но когда стало известно, что я выйду замуж за человека, который сам тоже происходил из богатой и влиятельной семьи, пресса просто слетела с катушек. Каждый момент моей невыносимо экстравагантной свадьбы был обрисован, просочившиеся подробности выплеснулись на страницы дрянных журналов, а в последние несколько недель я даже не могла пойти в *спортзал* без того, чтобы за мной не увязалась хотя бы одна камера.

Я ненавидела все это, но это нравилось моей матери, умолявшей меня воспользоваться всем этим вниманием, чтобы помочь ее собственному положению, пока она поднималась по социальной лестнице в качестве состоятельной звезды реалити-шоу.

Меня уверяли – даже обещали, – что, как только волнение по поводу свадьбы утихнет, как только я вернусь к своей обычной жизни, я обрету покой.

К сожалению, прямо сейчас я не вижу подобной перспективы в ближайшем будущем.

⁴ Деятельность социальной сети «Фейсбук» запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

– Мы можем беспокоиться об этом завтра или послезавтра, – говорит Ками, пытаюсь заставить меня сосредоточиться. – Так кто тебе написал?

Мои мысли возвращаются к телефону. Я смотрю на экран, потом снова на Ками.

– Это... э-э-э... еще одна брошенная невеста?

– Что? – Это единственное оброненное слово сквозит полной растерянностью.

– Ну то есть, кажется, что, возможно, даже *несколько брошенных невест*.

– Я не... я не понимаю, – говорит Сиси.

– Я... я вчера вечером вроде как немного заигралась с запросами в интернете. И нашла группу женщин из Северного Нью-Джерси, которых бросили у алтаря. Я была немного... пьяна от дорогого шампанского.

Ками не может сдержать улыбку на губах, хотя в ее глазах читается шок и тревога.

– И я отправила запрос на вступление в группу. Там была опция оставить свой номер телефона, если тебя интересует личная встреча, вот я и оставила.

– Ты дала незнакомым людям свой *личный номер телефона*? – ошеломленно спрашивает мой отец. – Лив, это крайне небезопасно.

– Я была пьяна, пап.

– Оставь ее, Ямочки. Ей и так сейчас непросто. – Он закатывает глаза, но даже отсюда хорошо видна его улыбка от прозвища, которое он притворяется, что ненавидит. Ками протягивает руку и выхватывает у меня мобильник. Идеально наманикюренным пальцем она проводит по верхней части цепочки сообщений и медленно читает их, после чего передает мобильник Сиси, и та повторяет процесс.

– Ты собираешься ответить? – спрашивает моя лучшая подруга, возвращая мне мобильник, и мои глаза снова начинают блуждать по буквам.

– Ну да! А что мне еще остается?

– Э-э-э, проигнорировать?

– Это было бы грубо.

– Думаю, сейчас у тебя достаточно причин, извиняющих любую грубость с твоей стороны, – говорит Ками. – Ты ничего не должна этим людям. – Ее глаза сужаются. – Ты *никому* ничего не должна, Оливия.

Я знаю, что своими словами она хочет сказать больше, но игнорирую и это.

– Я думаю... думаю, что это может быть полезно для меня. В худшем случае это останется забавной историей.

– В худшем случае это подстава, и твои слова продадут.

Я закатила глаза на Сиси.

– Ты такая пессимистка.

– Я реалистка, – говорит она. – Это разные вещи.

– Разве? – спрашиваю я с первой за все утро искренней улыбкой.

Мгновенно становится ясно, что все тоже это замечают, потому что разом отступают от меня.

Как будто от одного этого маленького жеста их беспокойство за меня чуточку уменьшается, и я всеми силами ненавижу это. Это ощущается словно удар ножом в мою грудь.

Абсолютно последнее, чего я хочу, – чтобы все они переживали за меня.

– Почему я убеждена, что у нас нет способа отговорить тебя от этого? – спрашивает Ками.

И я снова улыбаюсь.

Улыбаться приятно.

Это ощущается как что-то *нормальное*. А *нормальности* мне сейчас не хватает.

Однажды я прочитала, что, если достаточно долго фальшиво улыбаться, это обманет твой мозг, заставляя его чувствовать себя счастливым.

Интересно, так ли это работает в моем случае. Чем больше я улыбаюсь, тем более нормальной я себя чувствую.

Но я знаю, что, скорее всего, дело в том, что рядом со мной сидят прекрасные люди, и это они заставляют меня чувствовать себя живой и легкой.

– Потому что я, несомненно, пойду на эту встречу.

Ками вздыхает в знак поражения, но внезапно я чувствую себя не такой уж и проигравшей. Потому что, как мне кажется, это может стать первым серьезным шагом к тому, чтобы начать делать что-то *для меня*.

Глава 5

Что принести на встречу группы брошенных невест? ##

Среда, 23 августа

Если бы шесть месяцев назад мне сказали, что я пойду в дом к какой-то незнакомой женщине на встречу группы поддержки, честно говоря, я бы не была *так уж* удивлена.

Чего я не могла предвидеть, так это *именно эту* группу поддержки.

Группа поддержки дочерей, чьи матери никогда, ни при каких обстоятельствах не будут ими довольны?

Да.

Группа поддержки патологических пипл-плизеров?

Еще как.

Группа поддержки людей, которые открыли свой бизнес и потеряли малейшее представление о балансе между работой и личной жизнью?

Определенно.

Но группа поддержки брошенных невест?

Этого я точно не ожидала.

– Оливия! – говорит милая брюнетка со светлой кожей и широкой улыбкой, открывая мне дверь. – Боже мой, я так рада, что ты пришла! Заходи, заходи! – Она отступает в сторону, и я почти разворачиваюсь, чтобы убежать, ставя под сомнение свое решение согласиться на всю эту авантюру.

– Э-э, да. Спасибо, что пригласили. Это вам, – говорю я, протягивая бутылку шампанского той, кто, в чем я почти уверена, является хозяйкой дома.

Пусть моя мать далеко не идеальна, но она научила меня никогда не приходить в гости с пустыми руками.

– О, надо же! Ты очень любезна. Проходи, проходи, познакомись со всеми.

Как оказалось, *все* – это четыре женщины, расположившиеся вокруг небольшого кофейного столика, на котором стояла большая доска с мясной нарезкой и бокалы с вином.

Не знаю, чего я ожидала, но точно не *этого*... такая атмосфера книжного клуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.